УДК 340.5:347.67 https://www.npzhdialog.ru/21-2026

Регулирование наследования по завещанию в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ

Дегтярева Валерия Григорьевна,
магистрант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, degtareva.valeria.14@gmail.com

Нестеренко Виктория Викторовна,
ассистент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, nesterenko_v@bsuedu.ru

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ регулирования наследования по завещанию в Российской Федерации и Республике Беларусь. Рассматриваются такие аспекты, как свобода завещания, форма завещания, обязательная доля, совместное завещание супругов, недействительность завещательных распоряжений и судебная практика по наследственным спорам. Обосновывается, что российская модель наследования по завещанию развивается в сторону расширения наследственного планирования, тогда как белорусское право сохраняет более консервативную конструкцию единоличного завещания. Отдельное внимание уделяется проблемам поиска баланса между волей наследодателя, защитой обязательных наследников и стабильностью наследственного оборота.

Ключевые слова: наследование, завещание, наследование по завещанию, завещательное распоряжение.

Наследование по завещанию в Российской Федерации и Республике Беларусь построено на общей цивилистической основе, предполагающей, что имущество переходит после смерти гражданина, а завещание выступает личным распоряжением на случай смерти. Российское право за последние годы заметно расширило инструменты наследственного планирования, допустив совместное завещание супругов и наследственный договор. Белорусская модель, в отличие от российской, удерживает классическую конструкцию индивидуального завещания и жестче относится к смешанным, совместным или договорным формам распоряжения наследством. Поэтому различия между двумя системами проходят не только по отдельным правовым нормам, но и по самому пониманию автономии завещателя.

Так, ст. 1118 ГК РФ указывает, что «распорядиться имуществом на случай смерти можно путем совершения завещания или заключения наследственного договора», а завещание признает односторонней сделкой, создающей права и обязанности после открытия наследства. В ст. 1119 ГК РФ свобода завещания раскрывается через право завещателя по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, определять доли наследников, лишать наследства по закону без указания причин и включать иные допускаемые законом распоряжения [1]. Уже на этом уровне понятно, что российский законодатель делает завещание не просто способом передачи имущества, а инструментом индивидуального наследственного проектирования.

Белорусское регулирование начинается с близкой формулы. Гражданский кодекс Республики Беларусь в ст. 1040 определяет завещание как «волеизъявление гражданина по распоряжению принадлежащим ему имуществом на случай смерти». Там же указано, что завещание может совершить гражданин, обладающий дееспособностью в полном объеме, и что оно должно быть совершено лично. Нормы ст. 1041 ГК РБ допускают завещание имущества одному или нескольким лицам, включая лиц, не входящих в круг наследников по закону, Республику Беларусь и административно-территориальные единицы. Но в этой же статье свобода завещания ограничивается не только обязательной долей, но и запретом возлагать на наследников обязанность «в свою очередь распорядиться определенным образом завещанным им имуществом на случай их смерти», а также запретом противоправных или объективно невыполнимых условий поведения наследника [2]. Очевидно, что в белорусской модели воля завещателя признается, но тем не менее ее долгосрочное связывающее действие ограничивается сильнее, чем в Российской Федерации.

Форма завещания в обеих системах является строгой. В ст. 1124 ГК РФ закреплено требование письменной формы завещания и удостоверения его нотариусом, а простая письменная форма допускается как исключение в чрезвычайных обстоятельствах [1]. Положения ст. 1044 ГК РБ также исходят из письменной формы и удостоверения завещания нотариусом. Удостоверение завещания другими лицами допускается только в случаях, прямо предусмотренных законом [2]. Формализм здесь оправдан, т. к. завещание начинает работать тогда, когда сам завещатель уже не может подтвердить или исправить свою волю. Поэтому форма выступает не бюрократическим препятствием, а доказательственной гарантией подлинности распоряжения.

Различие становится более заметным при сравнении современных наследственных конструкций. Российское право признает совместное завещание супругов. В ст. 1118 ГК РФ указано, что граждане, состоящие между собой в браке, могут совершить совместное завещание супругов, где вправе определить последствия смерти каждого из них, в т. ч. завещать общее имущество,

определить состав наследственной массы каждого супруга, доли наследников, лишить наследства по закону без указания причин [1]. Анализируя этот институт, В. А. Улыбин подчеркивает его двойственную природу: совместное завещание супругов может иметь и наследственно-правовой, и вещно-правовой эффект, поскольку влияет не только на наследственную массу, но и на судьбу общего имущества супругов [3, с. 108]. Именно здесь российская модель сильнее ориентирована на сложное семейно-имущественное планирование.

В Республике Беларусь такой инструмент прямо исключен. В ст. 1040 ГК РБ закреплено: «В завещании могут содержаться распоряжения только одного лица. Совершение завещания двумя или более лицами не допускается» [2]. В новейшей научной литературе это расхождение связывают с более консервативным подходом белорусского наследственного права. Так, А. Д. Валуева отмечает, что Республика Беларусь «не признает современные конструкции наследственного договора и совместного завещания супругов», тогда как Россия идет по пути расширения автономии наследодателя [4, с. 114–115]. С практической точки зрения белорусский запрет снижает риск споров о взаимной связанности супругов, но одновременно сворачивает удобный механизм распоряжения семейным имуществом.

Обязательная доля является проблемной зоной для обеих систем. В ст. 1149 ГК РФ установлено, что несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследуют независимо от завещания не менее половины доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону [1]. Нормы ст. 1064 ГК РБ также защищают несовершеннолетних и нетрудоспособных детей, нетрудоспособных супруга и родителей, предусматривая для них обязательную долю независимо от содержания завещания [2]. И в Российской Федерации, и в Республике Беларусь эта конструкция несколько сдерживает свободу завещания, но делает это ради социальной защиты ближайших уязвимых лиц.

М. В. Игнахина обоснованно пишет, что институт обязательной доли «существенным образом ограничивает характерный для наследственного права современных стран принцип свободы завещания» [5, с. 23]. В. Ю. Куликов же делает акцент на необходимости совершенствования расчета обязательной доли, чтобы она способствовала «реализации наследодателями установленного законом принципа свободы завещания и защиты прав наследников» [6, с. 40]. В сравнительном плане здесь напрашивается не отмена обязательной доли, а более гибкая судебная настройка, предполагающая, что суд должен учитывать не только статус обязательного наследника, но и реальную нуждаемость, состав имущества и положение наследника по завещанию.

Судебная практика подтверждает, что завещание остается высокорисковой сделкой именно из-за требований к форме, а также к дееспособности и волеизъявлению наследодателя. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что завещания ничтожны при несоблюдении требований о полной дееспособности завещателя, личном совершении завещания, письменной форме и удостоверении, а также при нарушении обязательного присутствия свидетеля в установленных законом случаях. Там же указано, что завещание может быть признано недействительным при нарушениях порядка составления, подписания или удостоверения, если недостатки искажают волеизъявление завещателя [7]. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь также исходит из судебного характера оспаривания завещания: «завещание и выданное на основании его свидетельство о праве на наследство могут быть признаны недействительными только решением суда» [8].

Вопрос недействительности завещания решается в рассматриваемых правопорядках схожим образом, но не одинаково по последствиям. В ст. 1052 ГК РБ предусмотрено, что недействительным может быть признано как завещание в целом, так и отдельные завещательные распоряжения. Признание завещания недействительным не лишает указанных в нем лиц права наследовать по закону или по другому действительному завещанию [2]. Аналогичная логика выражена в ст. 1131 ГК РФ и судебных разъяснениях. Практически это означает, что спор о завещании не должен превращаться в наказание наследника, указанного в дефектном распоряжении. Если он входит в круг наследников по закону или назван в другом действительном завещании, то его наследственные притязания сохраняются.

Отдельное внимание следует уделить трансграничному аспекту. Российская Федерация и Республика Беларусь имеют близкие правовые традиции. Однако различия в отношении к совместному завещанию супругов и наследственному договору могут вызвать серьезные конфликты. В. А. Кононенко справедливо отмечает, что совместное завещание супругов может породить вопросы применимого права, особенно при наличии имущества в разных государствах и различии подходов к единству наследственной массы [9, с. 114]. Для белорусского нотариата российское совместное завещание супругов может оказаться непривычной конструкцией, а для российского суда белорусский запрет совместного завещания супругов напоминает, что близость правопорядков не всегда устраняет коллизионные проблемы.

Соответственно, дилемма состоит в выборе между гибкостью и стабильностью. Российская модель предоставляет завещателям больше возможностей, но платит за это ростом сложных споров, касающихся отмены совместного завещания супругов, обязательной доли при совместном распоряжении, соотношения завещания и наследственного договора и не только. Белорусская модель проще и предсказуемее, но ее простота достигается за счет отказа от современных механизмов наследственного

планирования. Представляется, что для Российской Федерации актуальна не отмена новых конструкций, а их точечная доработка, предполагающая более ясные правила, затрагивающие уведомление супруга, последствия отмены совместного завещания и расчет обязательной доли. Для Республики Беларусь перспективным было бы не прямое заимствование российской модели, а осторожное введение совместного завещания супругов хотя бы для имущества, находящегося в общей собственности.

Таким образом, наследование по завещанию в Российской Федерации и Республике Беларусь сохраняет общую основу: личный характер завещания, его письменную форму, нотариальное удостоверение, ограничение свободы завещания обязательной долей и судебный порядок оспаривания дефектного волеизъявления. Однако российское право заметно шире понимает автономию наследодателя, допуская совместные и договорные элементы наследственного планирования. Белорусское право, наоборот, удерживает завещание в традиционной индивидуальной форме. Более убедительной представляется промежуточная модель, в соответствии с которой свобода завещания должна расширяться, но не за счет разрушения механизма защиты обязательных наследников и не путем создания конструкций, последствия которых неясны нотариусу, суду и самим наследникам. Именно в этой точке сравнительно-правовой анализ оказывается практически полезным, т. к. он показывает не только различия двух законодательных моделей, но и пределы модернизации наследственного права.

Примечания

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. N 49. Ст. 4552.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 N 218-З // Законы Беларуси. URL: https://zakony-by.com/grazhdanskij_kodeks_rb.htm (дата обращения: 21.09.2026).

3. Улыбин В. А. Наследование общего имущества супругов по совместному завещанию и наследственному договору // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. N 11.

4. Валуева А. Д. Основания наследования имущества (на примере законодательства России и Республики Беларусь) // Вопросы права. 2026. N 4.

5. Игнахина М. В. Обязательная доля в наследстве как пример императивного правового регулирования в наследственном праве // Наследственное право. 2024. N 4.

6. Куликов В. Ю. Принцип свободы завещания и определение размера обязательной доли в наследстве // Юрист. 2023. N 6.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 N 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. N 7.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20.12.2007 N 17 «О судебной практике по делам о наследовании и выполнении постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21.12.2001 N 16». URL: https://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic17/text375.htm (дата обращения: 21.09.2026).

9. Кононенко В. А. Совместное завещание супругов: проблемы правового регулирования и определения применимого права // Закон и право. 2024. N 7.

English version

Regulation of testamentary succession in the Russian Federation and the Republic of Belarus: a comparative legal analysis

Degtyareva Valeriya Grigor'evna, master's student, Belgorod State National Research University

Nesterenko Viktoriya Viktorovna, assistant of the department of theory and history of state and law, Belgorod State National Research University

The article provides a comparative legal analysis of the regulation of testamentary succession in the Russian Federation and the Republic of Belarus. Such aspects as freedom of testation, the form of a will, the compulsory share, the joint will of spouses, the invalidity of testamentary dispositions and judicial practice in inheritance disputes are considered. It is argued that the Russian model of testamentary succession is developing towards the expansion of estate planning, whereas Belarusian law retains a more conservative construction of an individual will. Particular attention is paid to the problems of striking a balance between the will of the testator, the protection of compulsory heirs and the stability of inheritance relations.

Keywords: inheritance, will, testamentary succession, testamentary disposition.